

ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

Степи Европы
в эпоху
средневековья

12

ТОМ

ОСВОЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ В ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Topicality. Three funeral ceremonies are known in the Forest-Steppe (Upper) Severskii Donets reaches referring to the Khazarian time, i.e. burials in catacombs, burials in graves, and cremations of the deceased. Each ceremony involves considerable divergences indicating the diversity and social heterogeneity of the population.

The purpose of the paper is to highlight the stages of development of the region and to clarify the issues of coexistence of various peoples in the region.

Stages of development. On the basis of new archaeological findings, the problem of development of the Upper Severskii Donets reaches during the Khazarian time and coexistence of various ethnic groups – subjects of the Qaġanate – in this region have been discussed. The Khazarian Qaġanate people developed the region stage-by-stage. At the first stage (740s), they undertook reconnoitering expeditions deep into the forest-steppe. At the second (750-80s) and the third stages (the late 8th – early 9th century), large groups of population migrated there from the North Caucasus. The Alans, who used to live near to the initial centre of the Qaġanate, and some Turkuts were the first to move there. Later the groups of the Alans from the Central Ciscaucasia and the Proto-Bulgarians settled in the region.

Conclusions. Mapping and analysis of the burial grounds of the Upper Severskii Donets reaches have confirmed the G.Ye.Afanasiev's thesis that the forest-steppe local variant of the Saltov-Maiaki culture should be divided into two areas, i.e. the northern and the southwestern ones. The former was settled by people who buried their deceased both in catacombs and simple graves. Cremation was characteristic of the southwestern area.

Keywords: the Upper Severskii Donets reaches, the Saltov-Maiaki culture, the Khazarian Qaġanate, the Alans, the Proto-Bulgarians, migration, development, stages.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений широкая распространенность в Юго-Восточной Европе памятников салтово-маяцкой археологической культуры. Создателями и носителями данной культуры были различные народы, входившие во 2-й пол. VIII – 1-й пол. X в. в состав Хазарского каганата. Однако, несмотря на десятилетия полевых и кабинетных исследований, далеко не все вопросы современного салтововедения разрешены убедительно и однозначно. Так, например, слабо освещено сосуществование различных народов в регионе, наиболее удаленном от центра государства, – Верхнем Подонцовье. Также недостаточно разработана проблема освоения Лесостепного Подонцовья народами, входившими в состав Хазарского каганата. Этим аспектам и посвящена данная работа.

История исследований памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне верхнего течения Северского Донца неоднократно освещалась в археологической литературе, что позволяет опустить подробное изложение этого вопроса. В качестве обобщающей работы, подводящей результаты археологических исследований региона за последнюю четверть века, можно назвать статью В.К.Михеева (2004, с.74-93). В то же время исследования последнего десятилетия до сих пор не систематизированы, что опять-таки делает ценной любую попытку аналитического осмысления материала, полученного в последние годы.

В геополитическом отношении бассейн верхнего течения Северского Донца представлял собой отдельный самостоятельный регион: Северо-Западную Хазарию (Афанась-

ев Г.Е., 1993, с.6; Тортика А.А., 2006, с.8-9). Археологические памятники именно этого региона (Верхне-Салтовский и Маяцкий комплексы) послужили отправной точкой при выделении в нач.ХХ в. салтово-маяцкой археологической культуры (Бабенко В.А., 1905а, с.434-464). К середине ХХ в., в результате накопления данных о распространении тех или иных памятников, была сформулирована гипотеза о наличии в салтово-маяцкой культуре нескольких локальных вариантов. Раньше всего были выделены лесостепной и степной варианты. Необходимость именно такого деления была вызвана различным этническим составом населения выделенных вариантов, что проявлялось в использовании разных погребальных обрядов (Ляпушкин И.И., 1958, с.145-148). Упрощенная схема деления культуры на варианты подразумевала, что лесостепь была населена аланами, носителями катакомбной погребальной обрядности, а степь – праболгарами, с которыми исследователи долгое время связывали погребения по обряду трупоположения в простых грунтовых ямах, иначе называемые “зливкинским” типом погребений (Плетнева С.А., 1967, с.186). Для уточнения этой – несколько устаревшей – схемы следует подробнее остановиться на существовавших в Верхнем Подонцовье погребальных обрядах.

Выделенная территория лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры первоначально считалась заселенной исключительно аланским населением, так как на могильниках региона преобладали ингумационные погребения, совершенные в специальных погребальных сооружениях – катакомбах (Бабенко В.А., 1905б, с.547-577; Покровский А.М., 1905, с.465-491). Эти погребения совершенно

справедливо были соотнесены с аналогичными захоронениями VIII-IX вв., исследованными на Северном Кавказе (Спицын А.А., 1909, с.70-71, 73; Готье Ю.В., 1930, с.86). На сегодняшний день в границах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры известно около десятка памятников, на которых были открыты катакомбные захоронения (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.168-184, рис.85). Достоверное наличие катакомбных погребений, подтвержденное более или менее серьезными археологическими работами, позволяет говорить о девяти могильниках (табл.1; рис.1, 12-19) (Аксенов В.С., 1999, с.137-149; 2001, с.62-78; Плетнева С.А., 1989; Афанасьев Г.Е., 1993; 2012, с.113-126; Флёров В.С., 1993).

Однако необходимо заметить, что на всех катакомбных могильниках, исследованных большими площадями, в небольшом количестве были зафиксированы ингумационные погребения, совершенные в простых грунтовых ямах или ямах с подбоями (Плетнева С.А., 1989, с.255-259; Флёров В.С., 1993, с.34-42; Бабенко В.А., 1905а, с.566, 568; Покровский А.М., 1905, с.489). По подсчетам Г.Е.Афанасьева, приведенным в работе 1987 г, на пяти катакомбных могильниках лесостепного варианта салтовской культуры были изучены 23 погребения в простых грунтовых ямах. В процентном соотношении их количество составило от 0,7% (Верхне-Салтовский могильник) до 6,7% (Ютановский некрополь) от общего количества исследованных на могильниках захоронений (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.148). В последние десятилетия количество подобных комплексов значительно увеличилось. Так, 18 ямных погребений были исследованы в 1984-2011 гг на Верхне-Салтовском могиль-

Табл. 1. Катакомбные некрополи лесостепного варианта СМК

№	Памятник и количество исследованных катакомб	Автор и год исследования	Количество исследованных комплексов				
			кат.	ямн.	кон.	др.	гр.
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Старо-Салтовский (22 кат.)	В.Г.Бородулин, 1982, 1984-1985 гг	14	1	1		
		В.К.Михеев, 1983 г	8				
2	Верхне-Салтовский-I (432+ кат.)	В.А.Бабенко, 1900 г	10				
		Предв. комитет, 1901 г	17				

1	2	3	4	5	6	7	8
		А.М.Покровский, 1901 г	28				
		П.П.Ефименко, 1901 г	1				
		П.С.Уварова, 1902 г	2				
		В.А.Бабенко, 1903-1904 гг	44				
		Н.Е.Макаренко, 1905 г	11				
		В.А.Бабенко, 1906, 1908-1915 гг	183				
		А.С.Федоровский, 1911 г	11				
		немецкие войска, 1919 г	4				
		А.М.Покровский, 1920 г	3				
		В.А.Бабенко, 1921-1927 гг	ок.60				
		С.А.Семенов-Зусер, 1946-1948 гг	41	2	2		
		С.А.Плетнева, 1957 г	1				
		Б.А.Шрамко, 1959 г	1				
		В.Г.Бородулин, 1984-1989 гг	75	16	4	1п	
		Верхне-Салтовский-II (14+ кат.)	В.А.Бабенко, 1900, 1902-1905 гг	14			
Д.Т.Березовец, 1965, 1967 гг	н/д						
Верхне-Салтовский-III (46+ кат.)	В.А.Бабенко, 1902-1903 гг	4					
	Д.Т.Березовец, 1959-1961 гг	17		3			
	Д.Т.Березовец, 1965, 1967 гг	н/д					
	В.Г.Бородулин, 1988-1992 гг	25	5	4	1		
Верхне-Салтовский-IV (105 кат.)	В.В.Колода, 1997 г				2	3	
	В.Г.Бородулин, 1989-1990 гг	17					
	В.В.Колода, 1996 г	10					
3	Рубежанский (18 кат.)	В.С.Аксенов, 1997-2006, 2008-2012 гг	78	8	1	1	2
		В.Г.Бородулин, 1987 г	13				
		В.С.Аксенов, 1995 г	5		1		
4	Дмитриевский (166 кат.)	С.А.Плетнева, 1957-1958, 1962, 1964, 1966-67, 1970, 1972-1973 гг	154	12, 9кр.	2	6	78
		В.А.Сарапулкин, 2004 г	12				7
5	Подгоровский (14 кат.)	С.Н.Замятнин, 1926 г	7				
		В.А.Сарапулкин, 2009-2012 гг	7	5, 4п, 2круг	1		
6	Нижне-Лубянский (55 кат.)	С.А.Плетнева, 1973 г	2				
		А.Г.Николаенко, 1973-1978 гг	52				
		Г.Е.Афанасьев, 1984 г	1				
7	Ютановский (28 кат.)	С.А.Плетнева, 1973 г	3				
		А.Г.Николаенко, 1973-1974 гг	2				
		Г.Е.Афанасьев, 1978-1980 гг	23				
8	Афоньевский (1 кат.)	Г.Е.Афанасьев, 1985 г	1				
9	Маяцкий (127 кат.)	С.А.Плетнева, 1975, 1977-1982 гг	111	14		7	23
		М.И.Лылова, 1987 г	16	2	1		

Сокращения: кат. – катакомбы; ямн. – ямные погребения; кон. – конские захоронения; др. – заготовки дромосов; тр. – тризны.

нике (Хоружая М.В., 2012, с.429-436). Открытые на катакомбных могильниках региона подбойные ингумации также немногочисленны: 3 были раскопаны на Дмитриевском некрополе, 4 – на Маяцком (Плетнева С.А., 1989, с.259; Флёров В.С., 1993, с.39), 9 – на Верхне-Салтовском (раскопки экспедиции Харьковского исторического музея под руководством В.Г.Бородулина в 1984-1992 гг). Несмотря на многолетние работы, ученые пока не достигли единого мнения в вопросе интерпретации ямных и подбойных захоронений, открытых на территории катакомбных могильников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Так, 9 ямных и 3 подбойных погребения Дмитриевского некрополя С.А.Плетнева рассматривала как принадлежавшие протоболгарам-изгоям (Плетнева С.А., 1989, с.255-259, рис.115-116) или слугам и рабам из числа алан (Плетнева С.А., 1976, с.108-112). Брахиокранность черепов погребенных и иной тип погребального сооружения послужили исследовательнице достаточными аргументами для подтверждения гипотезы протоболгарской принадлежности указанных захоронений. С критикой данных построений выступил Г.Е.Афанасьев. Исследователь отметил, что антропологические определения этих погребенных были ошибочными, и, следовательно, связывать с протоболгарами ямные погребения Дмитриевского и Маяцкого могильников нельзя (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.148). Г.Е.Афанасьев предложил интерпретировать этническую принадлежность данных захоронений на катакомбных могильниках Подонцовья с учетом существования аналогичной погребальной традиции у населения Северного Кавказа в предсалтовское время (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.149). Таким образом, исследователь не видел различий в этнической принадлежности людей, погребенных в пределах одного некрополя как в катакомбах, так и в простых грунтовых ямах, и в ямах с подбоем. Ямные и подбойные захоронения Маяцкого могильника были проанализированы В.С.Флёровым в соответствующих разделах его монографии (Флёров В.С., 1993, с.34-42). Погребения взрослых женщин в ямах (3 захоронения) исследователь счел возможным определить как принадлежавшие болгаркам, проживавшим в аланской среде. Детские ямные погребения (7 захоронений) трактовались как этнически смешанные: отцом

являлся приверженец катакомбного обряда погребения, матерью – представительница сообщества с ямным обрядом (Флёров В.С., 1993, с.38). В то же время этническую принадлежность 4 подбойных захоронений Маяцкого могильника, принадлежавших взрослым индивидам (как мужчинам, так и женщинам), исследователь так и не определил, хотя и отметил, что “следует пока отклонить... возможное предположение о подчиненном социальном положении погребенных в подбоях” (Флёров В.С., 1993, с.39). К нескольким иным выводам пришел О.Б.Бубенок, проанализировавший ямные захоронения Верхне-Салтовского могильника, в большинстве случаев принадлежавшие детям и подросткам. По мнению исследователя, родившиеся в межэтнических браках дети (муж – из числа алан, жена – представительница другого этноса) после своей смерти могли быть похоронены матерью в соответствии с обычаями её предков – в отдельной простой грунтовой яме или яме с подбоем (Бубенок О.Б., 1993, с.54). Однако М.В.Хоружая, рассмотрев те же захоронения, что и О.Б.Бубенок, и ссылаясь на этнографические материалы (Магометов А.Х., 1962, с.48), отметила, что в большинстве традиционных культур дети принадлежали только отцу и в случае развода всегда оставались с отцом. Поэтому детей от мужа-алана и жены из другой этнической группы должны были хоронить в соответствии с аланскими погребальными традициями. По мнению исследовательницы, выбор погребального сооружения между простой грунтовой ямой, ямой с подбоем и катакомбой определялся возрастом человека (а именно, прохождением инициации) и характером смерти (болезнь, несчастный случай и т.п.) (Хоружая М.В., 2012, с.431). При этом среди рассмотренных ямных захоронений Верхнего Салтова исследовательницей был выделен ряд погребений, расположенных на Верхне-Салтовском-III могильнике – наиболее раннем участке некрополя. Эти погребения М.В.Хоружая связала с праболгарским этническим компонентом (Хоружая М.В., 2012, с.432-433).

Так или иначе, можно говорить о том, что абсолютное большинство погребений на катакомбных могильниках региона принадлежало все-таки представителям аланского этноса. Совершенно другую картину дают могильники с обрядом в виде ингумаций в простых ямах.

В середине XX в. в стройную схему деления (“лесостепной аланский” – “степной болгарский” варианты СМК) потребовалось вносить некоторые изменения, так как в лесостепной зоне в непосредственной близости от аланских катакомбных некрополей региона были выявлены могильники с ямным обрядом погребения. Так, в 1959 г был открыт и исследовался в течение 3 лет Нетайловский могильник (рис.1, 3) (Березовец Д.Т., 1962, с.22), а в 1973 г – Волоконовский (рис.1, 9) (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976, с.279-298). Позднее – в результате активных археологических работ на территории Харьковской и Белгородской областей – было открыто значительное количество ингумационных некрополей, погребальными сооружениями в которых являлись простые грунтовые ямы. На сегодняшний день в границах лесостепного варианта СМК таких могильников известно 13 (что, кстати, превышает количество собственно катакомбных могильников). Указанные ингумационные могильники изучены неодинаково. На некоторых из них раскопано по несколько погребальных комплексов, на других – более полутысячи захоронений (табл.2). При этом наиболее полно исследованными считаются Волоконовский и Мандровский могильники, часть которых погибла в результате антропогенной деятельности, а сохранившееся было раскопано до конца (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976; Винников А.З., Сарапулкин В.А., 2008). В то же время Нетайловский и Ржевский некрополи исследованы только частично (Аксёнов В.С., 2009, с.231-258; 2010а, с.14-15; Аксенов В.С., Хоружая М.В., 2005, с.199-215; Сарапулкин В.А., 2006, с.195-203). Определить реальные размеры данных некрополей, а значит, и подсчитать долю изученных захоронений, практически невозможно. Так, например, некоторыми исследователями количество погребений Нетайловского могильника оценивалось от 5,5 тысяч (Березовец Д.Т., 1961, л.11) до 15 тысяч (Крыганов А.В., 2001, с.349).

Специфические черты ямного ингумационного погребального обряда, представленные на могильниках региона, указывают на неоднородность его носителей. По внутримогильным конструкциям и традициям использования посуды в погребениях исследователи склонны выделять две группы памятников. К первой из

них относят Волоконовский, Ржевский, Нетайловский, Красногорский некрополи, в погребениях которых использовались деревянные гробовища, а посуда была представлена преимущественно столовой: импортной или лощеной, местного производства. Сосуды располагались как в головах, так и в ногах погребенных людей (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976, рис.4, 5; Сарапулкин В.А., 2006, с.202, рис.2, 3; Михеев В.К., 1990, с.48-49; Аксенов В.С., 2002, с.6-17; Аксёнов В.С., Хоружая М.В., 2005, рис.1: 7, 8, 11; 2: 1, 5, 7; 8; 9). Для этой группы могильников также характерно было сопровождение погребений людей целой тушей коня, его шкурой (черепом и костями ног) или предметами конского снаряжения (Аксенов В.С. и др., 1996, с.116-129; Аксёнов В.С., 2012а, с.207-242; Сарапулкин В.А., 2006, с.196, рис.2). Ко второй группе памятников исследователи относят Мандровский, Утиновский, Тишанский могильники. В погребениях этой группы деревянных гробов нет, а в захоронениях преобладают кухонные сосуды “степного” облика, всегда ставившиеся за головами умерших (Сарапулкин В.А., 2009, с.293). Генезис второй группы некрополей исследователи склонны связывать со степным населением Среднего Подонковья, т.е. с праболгарами. В то же время особенности погребального обряда памятников первой группы (а именно, присутствие в ногах погребенных людей целых туш коней или их частей) позволяют сделать вывод о поволжских (тюрко-угорских) корнях данного населения (Сарапулкин В.А., 2006, с.203-204; Аксёнов В.С., 2012а, с.221-223). Подобные наблюдения позволяют говорить о полиэтничности болгарского компонента салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонковья. Следует отметить, что в литературе этот вывод был сформулирован более 10 лет назад (Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001, с.191-218).

Наконец, третьей значительной силой, представленной в Верхнем Подонковье, являлись носители кремационного погребального обряда. Погребения по обряду трупосожжения в указанном регионе представлены как отдельными погребениями и поминальными комплексами (Кухаренко Ю.В., 1952, с.33-50; Дегтярь А.К., 1984, с.239-243), так и могильниками (Кухаренко Ю.В., 1951, с.99-108; Шрамко Б.А., 1983, с.48-50; Аксенов В.С., Воловик С.И.,

Табл. 2. Ямные ингумационные могильники на территории лесостепного варианта СМК

№	Название, кол-во исследованных погребений	Географическое положение	Исследователи, годы раскопок
1	Красногорский (191 погр.)	Мыс второй надпойменной террасы правого берега, на западной окраине с.Червоная Горка Балаклейского р-на	А.В.Крыганов, 1984; В.К.Михеев, 1985-1993; В.С.Аксенов, 2001;
2	поселение "Сердюково-2" (10 погр.)	Мыс второй надпойменной террасы левого берега, в 2 км к северо-западу от с.Черкасский Бишкин Змиевского р-на	Е.В.Пузаков, 1956-1957, 1959-1960; 1966-1969
3	Мартовской (известен по разведкам)	Край террасы левого берега, в 1 км к юго-востоку от с.Мартовя Печенежского р-на	В.Г.Бородулин, 1972
4	Петровский (1 погр.)	Левый берег, вблизи с.Петровское Волчанского р-на	В.К.Михеев, 1970
5	Нетайловский (514 погр.)	Склон террасы левого берега, в 0,1 км к востоку от с.Металловка Волчанского р-на	Д.Т.Березовец, 1959; А.В.Крыганов, 1991-2004; В.К.Михеев, 2002-2005; А.В.Комар, 2004; В.С.Аксенов, 1993, 2006-2012
<i>р.Волчья</i>			
6	Бочковский (известен по разведкам)	Правый берег, в 1 км к западу от с.Бочково Волчанского р-на	В.К.Михеев, 1961
7	Тишанский (5 погр.)	Правый берег, в центре с.Тишанка Волоконовского р-на	А.В.Степовой, 1989
<i>р.Нежеголь</i>			
8	Ржевский (85 погр.)	Мыс второй надпойменной террасы левого берега реки, на юго-восточной окраине с.Ржевка Шебекинского р-на	В.А.Сарапулкин, 2004-2007
<i>р.Валуй</i>			
9	Рождественский (7 погр.)	Правый берег, на окраине с.Рождествено Валуйского р-на	В.А.Сарапулкин, 2008
10	Мандровский (49 погр.)	Устье балки правого берега, в 0,8 км к западу от с.Мандрово Валуйского р-на	В.А.Сарапулкин, 2000-2002
<i>р.Оскол</i>			
11	Утиновский (4 погр.)	Правый берег, в 1 км к востоку от свх. Утинового Валуйского р-на	В.А.Сарапулкин, 2003, 2006
12	Тереховский (2 погр.)	Левый берег, первая надпойменная терраса правого берега безымянного ручья, в 0,3 км на юго-восток от с.Терехово Валуйского р-на	В.А.Сарапулкин, 2005
13	Волоконовский (28 погр.)	Вторая надпойменная терраса левого берега, восточная окраина пгт. Волоконовки	А.Г.Николаенко, 1973

Примечание. За рамками таблицы остались погребения, совершенные на территории поселений и катакомбных могильников.

1999, с.34-40; Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2006; Лаптев О.О., Аксёнов В.С., 2012, с.95-109; Свистун Г.Е., 2012, с.79-84; Свистун Г.Е., Квитковский В.И., 2013, с.118-121). Наиболее полно изученным и опубликованным памятником является могильник у с.Сухая Гомольша, содержащий 312 кремационных захоронений и 17 поминальных комплексов (Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2006, с.8-71). Новые материалы свидетельствуют, что в окрестностях с.Сухой Гомольши, возможно, есть еще один, неизвестный специалистам салтовский кремационный некрополь (Аксёнов В.С., 2005б, с.357-368; Колода В.В., 2012, с.30-36), который археологами еще не найден. Кремационные захоронения на памятниках региона совершались как в ямках (Новая Покровка, Лысый Горб, Кицевка, Кочеток), так и в ямках, и в урнах (Сухая Гомольша). В то же время, по справедливому замечанию В.К. Михеева, "количество признаков погребального обряда может зависеть от степени исследованности памятника: чем он полнее раскопан, тем больше качественных признаков в нем присутствуют..." (Михеев В.К. 2004, с.76). Возможно, дальнейшие исследования кремационных могильников еще изменят наше представление о них.

Несмотря на постепенное расширение источниковой базы, этническая атрибуция салтовских кремационных захоронений остается значительной проблемой. В настоящее время существует пять основных гипотез этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений в бассейне Северского Донца: славянская, тюркская, иранская, угорская и адыгская. Историографические очерки А.К.Дегтяря и Г.С.Богуславского, в которых детально рассматривается историография проблемы и приводятся аргументы в пользу той или иной точки зрения (Дегтярь А.К., 1981, с.75-83; Богуславский Г.С., 2001, с.52-57), позволяют опустить освещение этого вопроса в нашей работе. В настоящее время наиболее обоснованной выглядит адыгско-абхазская версия, впервые предложенная Г.Е.Афанасьевым (Афанасьев Г.Е., 2001, с.53) и – почти одновременно – А.В.Пьянковым (Пьянков А.В., 2001, с.205). Исследования последних лет показали, что по инвентарю и погребальному обряду салтовским кремациям Верхнего Подонцовья наиболее близки трупосожжения Кубано-Черномор-

ского района: типа последних хронологических групп могильников Борисовского и Дюрсо (Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003, с.195-198, табл.78; Дмитриев А.В., 2003, с.203-205, табл.87-92). Исходя из схожести кремационных погребений этих двух регионов, Г.Е.Афанасьев предложил искать истоки салтовского кремационного обряда в адыго-абхазской среде. В работах А.В.Пьянкова кремационные захоронения Кубано-Черноморского района VIII-IX вв. (а, следовательно, и салтовские кремации Подонцовья) отождествляются с касогами. В одной из своих работ с подобной атрибуцией салтовских кремаций согласился и исследователь Сухогомольшанского кремационного могильника В.К. Михеев (Михеев В.К., 2004, с.88-89). Однако разнотипность кремационных захоронений (ямные, урновые), использование сосудов-приставок, присутствие "тайничков" на памятниках Верхнего Подонцовья, по мнению одного из авторов данной работы, указывает на разнотипность носителей кремационного обряда в регионе. При этом кремации с оружием и конским снаряжением, сопровождаемые "тайничками", некоторые исследователи склонны связывать с какой-то группой тюрского (хазарского) населения (Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2006, с.184; Бубенок О.Б., Аксёнов В.С., 2009, с.138). Другие кремации, по их мнению, могли быть оставлены представителями славянского, угорского и адыго-абхазского этносов, оказавшихся вместе с хазарскими тюркютами в бассейне р.Северский Донец (Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2006, с.182-183; Бубенок О.Б., Аксёнов В.С., 2009, с.138-139).

Картографирование известных на сегодняшний день могильников позволяет утверждать, что лесостепной вариант салтовской культуры не был монолитным в этническом плане, причем расселение разных племен не было хаотичным, а подчинялось некоей системе. При этом достаточно четко просматривается предложенное Г.Е.Афанасьевым разделение салтовской лесостепи на северный (рис.1) и юго-западный (рис.2) "экстерриториальные районы" (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.153, рис.86). В основу такого разделения исследователем было положено расположение погребальных комплексов с разными погребальными традициями. Исследователь подчеркивал, что "ареал ямных могильников, накладываясь и на север-

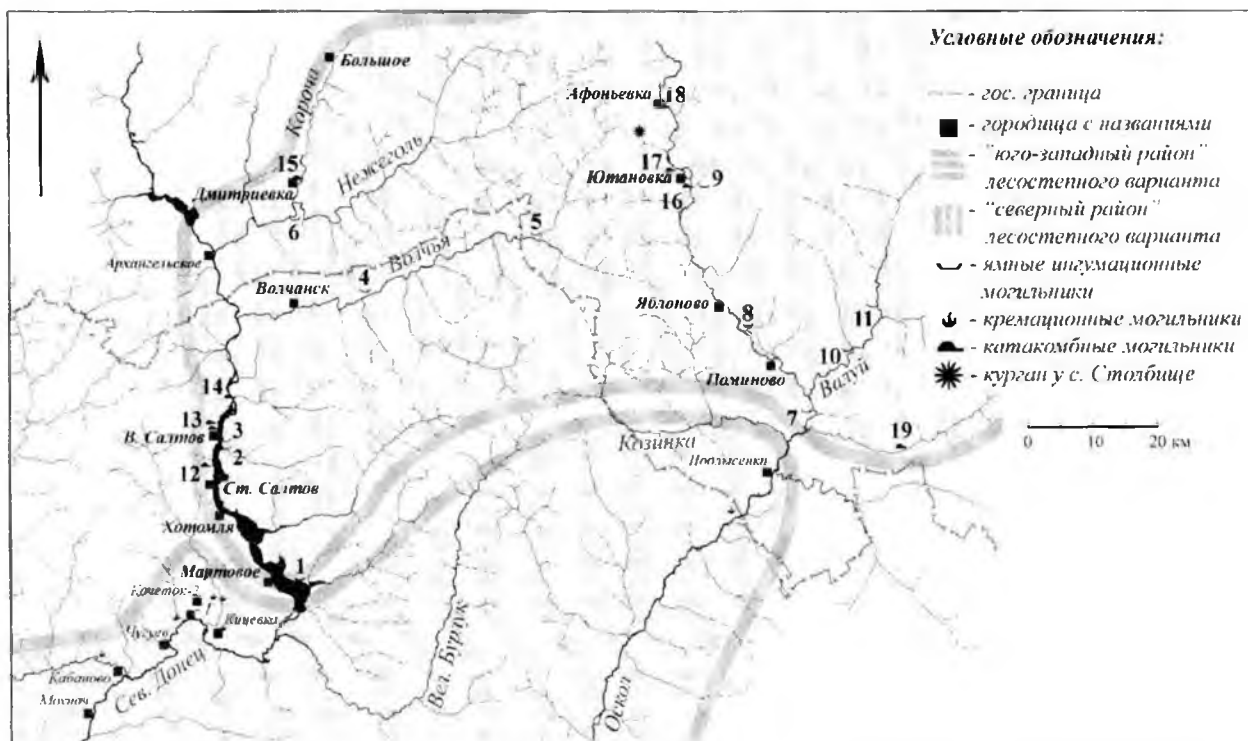

Рис. 1. Памятники "северного района" лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (бассейн рек Северский Донец и Оскол): 1 – Мартовое; 2 – Петровское; 3 – Нетайловка; 4 – Бочково; 5 – Тишанка; 6 – Ржевка; 7 – Утиный; 8 – Терехово; 9 – Волоконовка; 10 – Рождествено; 11 – Мандрово; 12 – Старый Салтов; 13 – Верхний Салтов; 14 – Рубежное; 15 – Дмитриевка; 16 – Нижние Лубянки; 17 – Ютановка; 18 – Афоньевка; 19 – Подгоровка.

Fig. 1. Monuments of the "northern area" of the forest-steppe variant of the Saltov-Maiaki culture (the reaches of the Severskii Donets and the Oskol): 1 – Martovoie; 2 – Petrovskoie; 3 – Netailovka; 4 – Bochkovo; 5 – Tishanka; 6 – Rzhevka; 7 – Utinyi; 8 – Terekhovo; 9 – Volokonovka; 10 – Rozhdestveno; 11 – Mandrovo; 12 – Staryi Saltov; 13 – Verkhni Saltov; 14 – Rubezhnoie; 15 – Dmitriievka; 16 – Nizhniie Lubianki; 17 – Yutanovka; 18 – Afonievka; 19 – Podgorovka

ный, и на юго-западный район, выходит далеко в глубину Донского левобережья.... но в Донецко-Донском междуречье он не образует самостоятельного экстерриториального региона" (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.153). Однако сегодня, в свете исследований последних лет, можно с уверенностью заявлять, что в границах лесостепного варианта занятая носителями ямного погребального обряда территория совпадает только с ареалом населения, хоронившего своих покойников в катакомбах (рис.1). Южнее области расселения алан салтовские ямные могильники практически не известны. В бассейне р.Северского Донца на 150-километровом отрезке от пгт.Печенеги до г.Балаклеи одиночные труположения в ямах известны лишь в культурном слое посада городища Мохнач (Колода В.В., 2011, с.261; 2006, с.214, рис.1) и

Пятницкого (Квитковский В.И., 2012, с.26), и Новопокровского (Кухаренко Ю.В., 1952, с.46, рис.6) селища. Небольшой салтовский ямный могильник с восточной ориентировкой костяков был исследован в 1956-1968 гг Е.В.Пузаковым на многослойном поселении "Сердюково-2" (рис.2, 1) (Археологические работы... 1957, с.284). Наиболее значительным салтовским могильником на рассматриваемом отрезке является биритуальный Красногорский некрополь (рис.2, 2) (Михеев В.К., 1990, с.45-52), на котором из раскопанных 312 погребений 191 составляли труположения в ямах, а оставшиеся 121 были кремациями (ямными и урновыми). Тем не менее, Красногорский могильник не является однообрядовым, и расположен он практически на границе со степью, а потому остается исключением из правил.

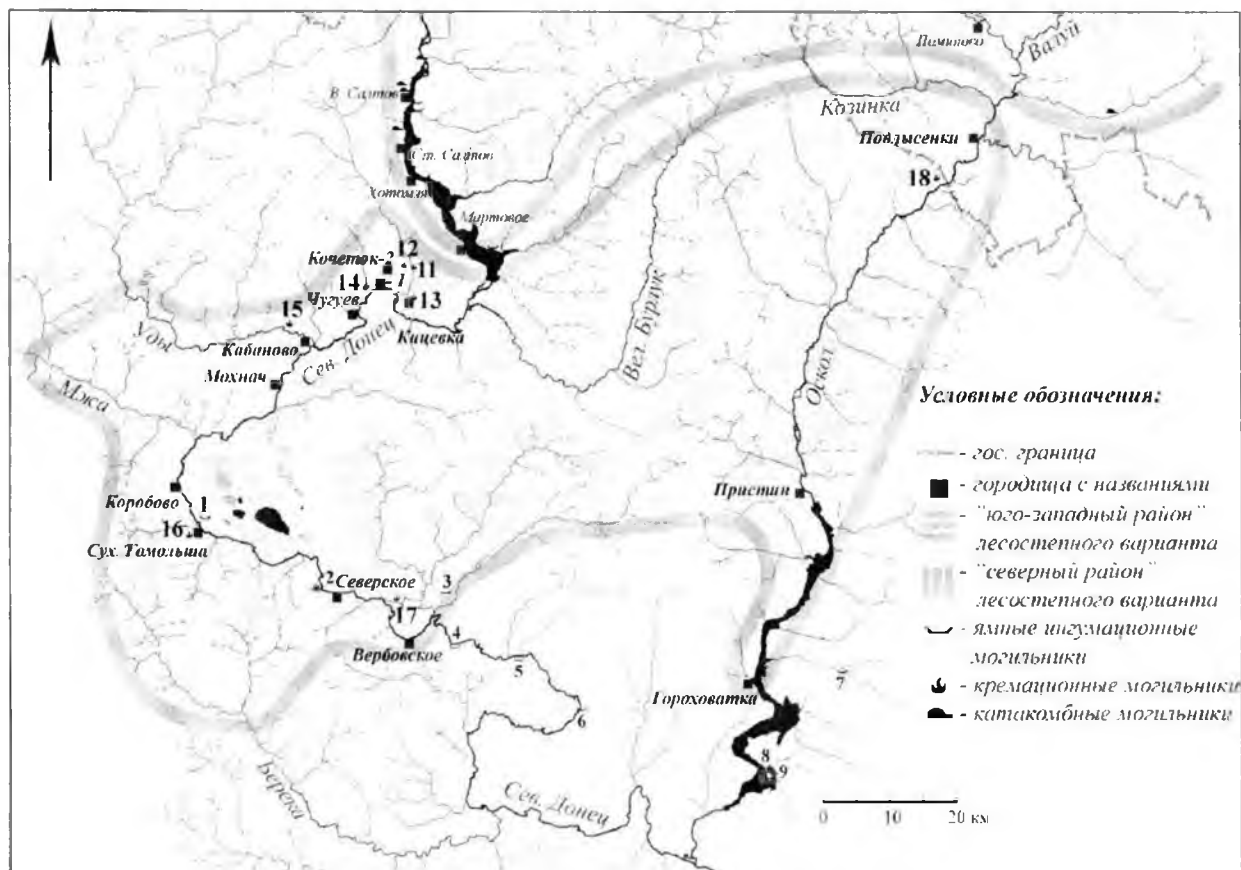

Рис. 2. "Юго-западный" район лесостепного локального варианта салтово-маяцкой культуры: 1 – "Сердюково-2"; 2 – Красная Горка; 3 – Балаклея; 4 – Червоная Гусаровка; 5 – Залиман; 6 – Лысогорка; 7 – Шейковка; 8 – Пески-Радьковские; 9 – Рубцы; 10 – Пятницкое; 11 – Кочеток (Сороков яр); 12 – Кицевка; 13 – Кочеток; 14 – Новая Покровка; 15 – Сухая Гомольша; 16 – Лысый Горб; 17 – Тополі.

Fig. 2. The "southwestern" area of the forest-steppe local variant of the Saltov-Maiaki culture: 1 – "Serdiukovo-2"; 2 – Krasnaia Gorka; 3 – Balakleia; 4 – Chervonaia Gusarovka; 5 – Zaliman; 6 – Lysogorka; 7 – Sheikovka; 8 – Peski-Radkovskii; 9 – Rubtsy; 10 – Piatnitskoie; 11 – Kochetok (Sorokov Yar); 12 – Kitsevka; 13 – Kochetok; 14 – Novaia Pokrovka; 15 – Sukhaia Gomolsha; 16 – Lysyi Gorb; 17 – Topoli

Еще южнее, за современной границей степи и лесостепи, количество известных салтовских ямных могильников снова увеличивается. Границу степи и лесостепи пересекает р.Северский Донец в районе г.Балаклеи. и именно здесь находится первый чисто ингумационный могильник: Балаклеяский (рис.2, 3) (Кадеева Е.М., Михеев В.К., 1972, с.280-283). До слияния р.Северский Донец с р.Оскол – формальной границы Верхнего и Среднего Подонцовья – известен целый ряд аналогичных памятников. Червоногусаровский (рис.2, 4), Залиманский (рис.2, 5), Лысогорский (рис.2, 6) могильники расположены как на правом, так

и на левом берегу Северского Донца (Михеев В.К. 1995, с.195-196; Макаревич М.Л., 1957, с.146-149). Отдельные погребения по обряду труположения в ямах встречены на левых притоках Северского Донца: у с.Кунье (р.Кунья) (Лаптев А.А., 2010, с.142-146), у с.Липчановка (р.Мокрый Изюмец) (Михеев В.К., 1974, с.97), у хут.Шведовка (Либеров П.Д., 1961, с.100), у с.Пески-Радьковские (Шрамко Б.А., 1956, л.9, 13, табл.VI, 3-4, VII, XIII, XV, 2-3) и хут.Александрія (р.Оскол) (Телегин Д.Я., 1956, л.28, табл.XLVI-XLVII; 1959, с.58-59, рис.6; Березовец Д.Т., 1957, л.21). В низовьях р.Оскол, на левом его берегу, были известны два могильни-

ка: Рубцовский (рис.2, 9) (Сібільов М.В., 1952, с.139; Телегин Д.Я., 1955, л.13-14, рис.XVIII, 2; 9, л.22-23) и Песко-Радьковский (рис.2, 8) (Крыганов А.В., 1991, л.2-5, табл.1, VIII-IX); на левом берегу р.Боровой – левого притока р.Оскола – располагался Шейковский могильник (рис.2, 7) (Березовец Д.Т., 1956, л.27-29, табл.XXXI-XXXII). К востоку и юго-востоку от Поосколья, в Среднем Подонцовье, салтовские ямные могильники открыты в большом количестве. На сегодняшний день их здесь известно около 40 (Красильников К.И., 2009, с.70). Могильники Среднедонечья были оставлены полиэтничным этнокультурным конгломератом, включавшим в себя 4-5 этносов и выполнявшим по отношению к центральной Хазарской власти исключительно даннические обязанности. Вероятно, этот конгломерат, основу которого составляли праболгары, в отличие от населения Верхнего Подонцовья был лишен возможности иметь внутреннюю военную организацию (Красильников К.И., 2009, с.79). Перечисление ингумационных могильников, известных археологам в Среднем Подонцовье и степной зоне Верхнего Подонцовья, ясно показывает, что отсутствие ингумаций в юго-западном районе лесостепного варианта являлось характерной чертой этого района.

Совершенно иная ситуация сложилась в северной части лесостепного варианта СМК. Количество ямных могильников здесь превышает количество катакомбных некрополей, хотя по суммарному количеству погребений лидируют, конечно же, катакомбные могильники. Уже упомянутые Нетайловский (рис.1, 3) и Волоконовский (рис.1, 9) могильники расположены в непосредственной близости от Верхне-Салтовского и Ютановского городищ: на противоположных берегах рек. Однако рассматривать этот факт как свидетельство вхождения носителей ямного погребального обряда в состав общин наравне с аланами можно только с большим допущением. Подобное расположение, скорее, может косвенно свидетельствовать о чересполосном расселении разноэтничных племенных групп в северной части лесостепного локального варианта салтово-маяцкой культуры. По причине сложной конструкции аланских катакомб для обустройства таких могильников подходили далеко не все земельные участки, расположенные неподалеку от посе-

лений. Особые требования к грунту при создании погребальных сооружений аланского населения привели к тому, что все 9 известных на сегодняшний день лесостепных катакомбных могильников располагались на правых берегах рек, причем 7 из них были выявлены неподалеку от городищ (рис.1, 12-13, 15-18). В то же время носители ямной традиции меньше зависели от грунта: могильные ямы могли сооружаться как в песке, так и в глине. Как результат, на правых и левых берегах рек выявлено приблизительно одинаковое количество ямных ингумационных некрополей (табл.2).

Чтобы как-то объяснить сопряженное расположение салтовских памятников, оставленных разноэтничными компонентами, следует, по нашему мнению, обратиться к материалам более позднего времени, связанным с этой же территорией. Согласно письменным и археологическим данным, схожая ситуация наблюдалась в расположении зимовников запорожских и городков донских казаков Среднего Подонцовья XVII-XVIII вв. С середины XVII в. правобережье Северского Донца начали осваивать запорожские казаки, в то время как левобережье Северского Донца занимали донские казаки. При этом зачастую поселения запорожцев и донцев располагались в непосредственной близости друг от друга: по обеим сторонам Донца (Вихрова Т.В., 2012, с.275-276). Исследователи считают, что такое расположение близких в хозяйственно-культурном отношении групп населения было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, существовало желание обеспечить безопасность границ своих промысловых угодий. С другой стороны, жизненно необходимо было следить за перемещениями крымских татар и соседей-казачков. Характерной чертой взаимоотношений в регионе были ситуативные союзы, а потому полностью доверять соседям все-таки было нельзя. При этом исследователями не исключается и то, что запорожские и донские казаки могли селиться в непосредственной близости, надеясь на взаимную помощь при возникновении внешней угрозы: нападении татар (Вихрова Т.В., 2012, с.276). Возможно, подобная система взаимоотношений – дружественного нейтралитета – существовала и в салтовское время между занимавшими правый высокий берег аланами и иноэтничным населением, оставившим грун-

товые могильники и проживавшим по левому берегу реки. Однако разный тип ведения хозяйства алан и их левобережных соседей выводит на первое место во взаимоотношениях военно-политическую составляющую. Переселенные центральной хазарской властью в бассейн Северского Донца представители этих двух групп населения, по-видимому, не сильно доверяли друг другу и, вероятно, боролись между собой за обеспечение своего главенства в регионе, за получение больших преференций от центральной власти.

Причины возникновения такой обостренной-противоречивой ситуации, по-видимому, следует искать в политической, экономической и демографической областях. Если отталкиваться от общепринятого тезиса о том, что заселение салтовской лесостепи происходило по велению центральной власти Хазарского каганата (Михеев В.К., 1991, с.46; Гадло А.В., 1994, с.50-51), то стоит признать, что именно центральная власть определяла границы и характер этого заселения. При этом северный и юго-западный "экстерриториальные районы" лесостепи были отданы разным народам. Можно также предположить, что переселение народов из Предкавказья в Верхнее Подонцовье осуществлялось не традиционным путем кочевников всех времен – "Муравским шляхом" (Днепро-Донецким водоразделом), – а одним из его ответвлений: "Изюмским шляхом". Именно поэтому памятники предсалтовского и раннесалтовского времени по Днепро-Донецкому водоразделу не известны. Путь переселения, очевидно, пересекал р.Северский Донец в районе современного г.Изюма и дальше шел к северу Донецко-Оскольским водоразделом (рис.3). Важным аргументом в пользу реконструируемого пути переселенцев именно "Изюмской сакмой" является раннесалтовское подкурганное погребение у с.Столбище Волоконовского р-на Белгородской обл. По данным Г.Е.Афанасьева, курган, в котором крестьяне в 1869 г. нашли погребение, располагался в 4,5 км от р.Оскол, непосредственно на водоразделе р.Оскол и р.Волчьей – левого притока р.Северский Донец (Афанасьев Г.Е., 1987а, с.193-194). В русле этой концепции хорошо объясняется и происхождение двух комплексов вещей, найденных на правом берегу р.Северский Донец, практически на границе Верхнего

и Среднего Подонцовья. Харьковской и Донецкой областей. В состав комплексов входили железные предметы, которые В.В.Колода, исходя из номенклатуры вещей и их обожженного состояния, интерпретировал как остатки кремационного могильника (Колода В.В., 2013, с.80). Этому предположению противоречат оторванность комплексов как от ареала распространения кремаций (ближайший достоверный могильник – Лысый Горб – расположен довольно далеко: в 65 км от места находки комплексов по прямой и в 110 км – по долине реки), так и от салтовских памятников. Ближайший из них – Богородичное (Теплинское) городище – расположен в 4,2 км от места находки комплексов, что не позволяет определять комплексы вещей как остатки могильника этого городища. В то же время одиночные комплексы могут неплохо маркировать следы перемещения крупных групп населения. Погибших в пути от военных столкновений, болезней или просто от старости все равно хоронили согласно традиционным верованиям. Именно этим и можно объяснить выпадение единичных кремационных комплексов вещей на значительном расстоянии от района расселения носителей кремационного обряда погребения.

Главной причиной, по мнению большинства исследователей, побудившей хазарское правительство переселить часть кавказского населения в Верхнее Подонцовье, была серия тяжелых поражений в арабо-хазарских войнах на рубеже VII-VIII вв. и особенно во время арабского похода 737 г. Именно в этих исторических условиях хазары повторно проникают в лесостепные районы Днепровского Левобережья (Комар А.В., 2005, с.212-213). Одновременно этот регион включался в хозяйственное использование в государственных интересах: невозможность получения правящей верхушкой каганата дополнительных доходов в виде награбленного имущества, скота и т.п. вследствие прекращения военных действий на Кавказе должна была быть компенсирована освоением новых земель на северо-западных окраинах Хазарии.

Первым этапом освоения лесостепи представителями каганата были разведывательные походы, которые произошли вскоре после разгромного для Хазарского каганата похода арабского полководца Мервана, т.е. в конце

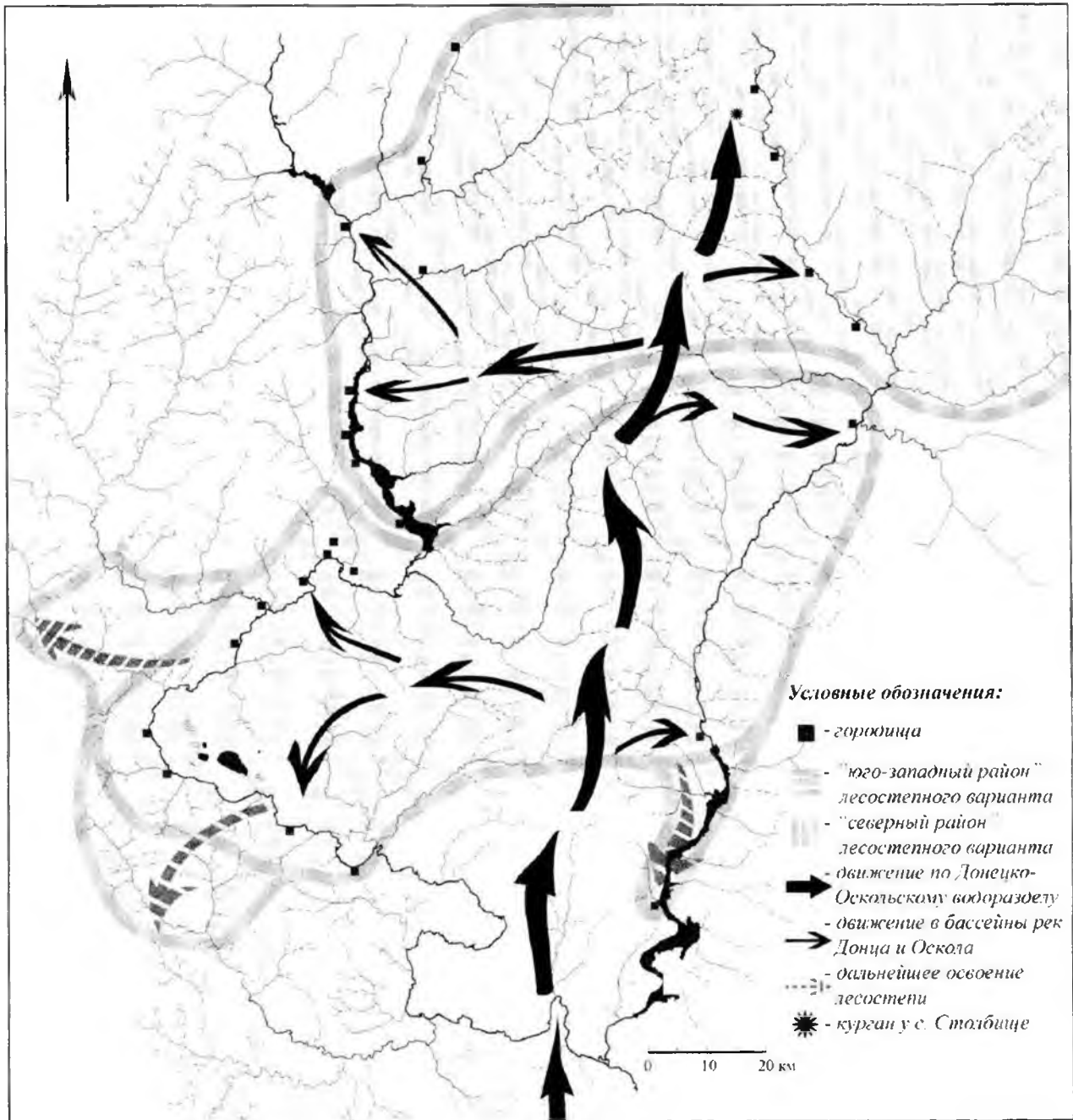

Рис. 3. Реконструкция путей освоения лесостепи населением салтово-маяцкой культуры.

Fig. 3. A reconstruction of the ways of development of the forest-steppe area by the Saltov-Maiaki population

30-40 гг VIII века. Наиболее показательным памятником этого времени является уже упомянутое ингумационное подкурганное погребение у с. Столбище (Афанасьев Г.Е., 1987а, с.193-202). Хотя Г.Е.Афанасьев и датировал данный погребальный комплекс 2-й пол. VIII в. (Афанасьев Г.Е., 1987а, с.201), присутствие в захоронении золотого солида Льва IV чеканки 717-720 гг позволяет отнести время

его совершения к более раннему периоду: 740-750 гг. Захоронение у с. Столбище, очевидно, можно рассматривать как погребение представителя хазарского этноса, погибшего в одном из разведывательных рейдов в лесостепные районы верхнего течения Северского Донца.

За этими "разведывательными" отрядами в регионе появляются более многочисленные представители других этносов. Это переселе-

ние составляло суть второго этапа, охватившего 50-80 гг VIII века. Именно в этот период оформляются различия двух районов: северного и юго-западного, отданных разным народам. Граница между районами расселения носителей кремационной и катакомбной погребальной обрядности проходила в месте наибольшего сближения р.Северский Донец и р.Оскол: первые из них остались к югу от этой условной черты, вторые продолжили путь на север. На сегодняшний день трудно точно определить, где именно прошло размежевание. Для его локализации необходимо найти погребальные памятники, а их выявление сопряжено с большими трудностями и по большей части является делом случая. В этот же период произошло движение от Донецко-Оскольского водораздела в долины крупных рек: Донца и Оскола. В конце концов, оно остановлено этими самыми реками; как результат, огромное значение приобрели броды – естественные переправы через реки. Необходимость контролировать эти переправы диктовала место расположения укрепленных населенных пунктов: около большинства городищ до сегодняшнего дня существуют броды.

Комплексы начального этапа становления салтовской культуры в настоящее время выделяются исследователями в хронологический горизонт Столбище-Старокорсунская (740-780 гг) (Комар А.В., 1999, с.123-129; 2000, с.42-66). Стоит отметить, что памятники этого горизонта включают в себя как комплексы разведывательных походов (подкурганное погребение у с.Столбище), так и могильники переселяемого населения (катакомбный могильник у ст.Старокорсунской). Из-за малого хронологического промежутка между этапами освоения лесостепи датировать их более узко представляется невозможным. Первые поселения и могильники аланского населения, переселенного с Кавказа в восточноевропейскую лесостепь, по мнению С.А.Плетневой и ряда других исследователей, возникают в бассейне Северского Донца в 50-60 гг VIII в. (Плетнева С.А., 1989, с.168-169). Однако в аланских погребальных памятниках удалось выявить немногочисленные комплексы раннесалтовского хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (рис.4). Так, они были выделены А.В.Комаром на Дмитриевском катакомбном могильнике (кат.3, 5, 26, 33, 52, 79, 143, 155) (Комар А.В., 1999, с.123-129).

Присутствуют они на катакомбных могильниках у с.Старый Салтов (кат.7, 14, 15, 21, 22) и Рубежное (кат.1, 4, 13, 15) (Аксенов В.С., 1999, с.141; 2001, с.76; Комар А.В., 1999, с.123-129). Элементы поясной гарнитуры, характерные для данного хронологического горизонта, были зафиксированы в катакомбе 13 Верхне-Салтовского III катакомбного могильника (раскопки 1990 г В.Г.Бородулина) (Аксенов В.С., 2012в, с.408-409). Еще в двух катакомбах: 54 ВСМ-I и 19 ВСМ-III (раскопки В.Г.Бородулина) были обнаружены бронзовые Т-образные фибулы стремя шаровидными выступами на конце ножки (рис.4, 12, 13) (Аксенов В.С., 2012в, с.409). Данный тип фибул не характерен для катакомбных захоронений бассейна Северского Донца, в то время как на северокавказских памятниках VIII-IX вв. подобные фибулы встречаются довольно часто (Амброз А.К., 1971, с.46, табл.6: 9; Багаев М.Х., 2004, с.143, рис.6: 12-13; Багаев М.Х., Мамаев Х.М., 2009, рис.3А: 7, II; 4Б: 21; 5: 22; 7Б: 1; 8Г: 26). И.О.Гавритухин выделяет подобные фибулы в отдельную серию Дай-Анач-кала и датирует их VII – серед. VIII в. (Гавритухин И.О., 2010, с.415-417, рис.5: 6). В салтовских древностях подобные Т-образные фибулы были встречены только на Старокорсунском некрополе (Каминский В.Н., 1987, рис.10: 54), что позволяет видеть в них изделия, характерные именно для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (Комар А.В., 2000, с.52, рис.4: 20). Присутствие в ранних аланских погребальных комплексах Т-образных фибул (рис.4, 12, 13) и массивного браслета с расширяющимися концами и утолщением в средней части (рис.5, 7) позволяет определить исходное место проживания населения, переселившегося в бассейн Северского Донца. Подобные Т-образные фибулы в комплексе с массивными браслетами характерны для памятников VIII-IX вв. Северо-Восточного Кавказа: Чечни и Дагестана (Багаев М.Х., 2004, с.144; Аксенов В.С., 2012б, с.183). Таким образом, первоначально хазарами в бассейн р.Северский Донец были переселены представители населения, проживавшего в непосредственной близости от основного района обитания хазарских племен, как наиболее верные их союзники и, возможно, как наиболее пострадавшие в результате арабо-хазарских столкновений рубежа VII-VIII вв.

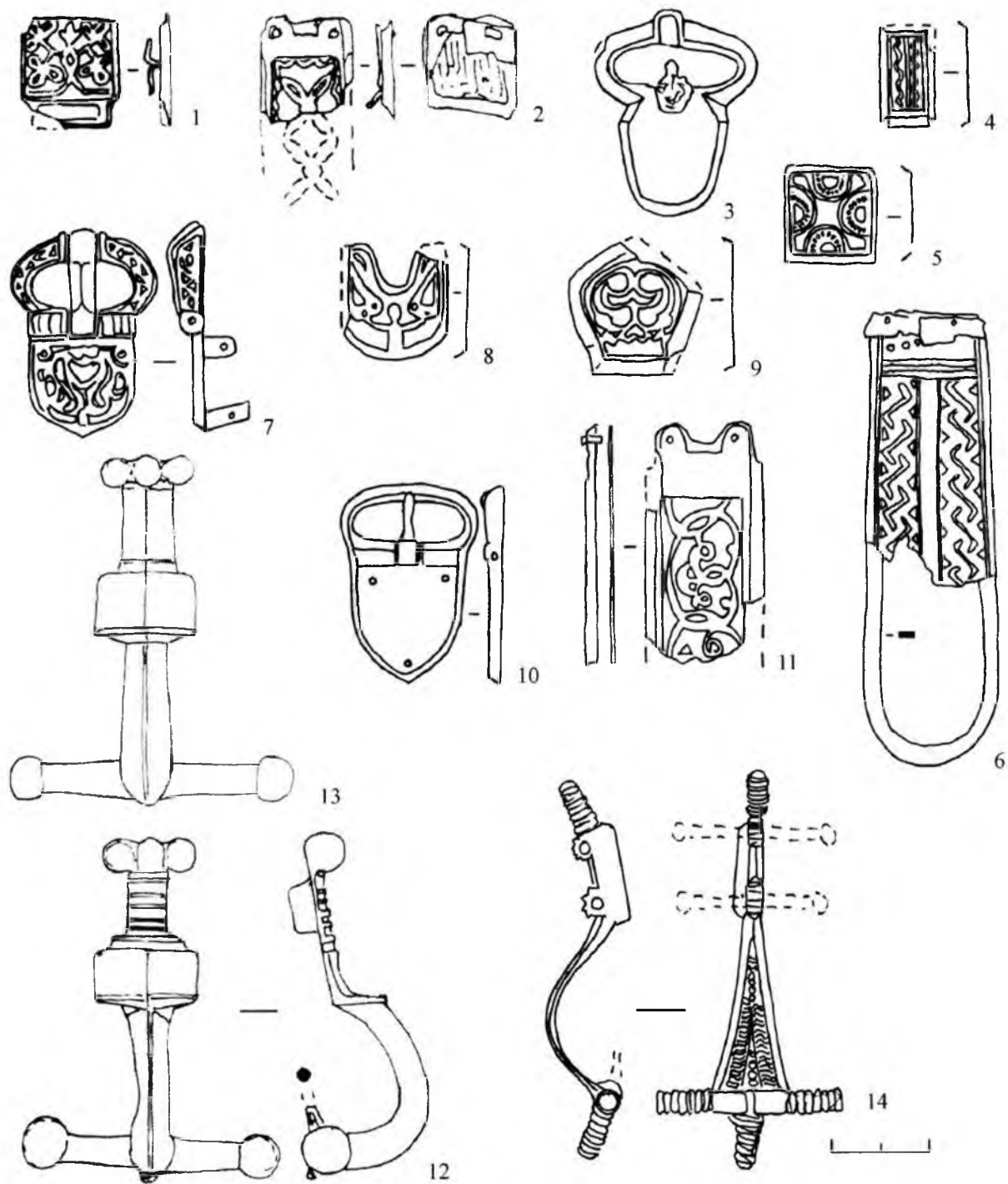

Рис. 4. Предметы хронологического горизонта "Столбище-Старокорсунская" из материалов катакомбных могильников Верхнего Подонцовья: 1, 2 – Верхне-Салтовский-III, кат.13; 3-6 – Старо-Салтовский, кат.15; 7-9 – Старо-Салтовский, кат.21; 10, 11 – Старо-Салтовский, кат.22; 12 – Верхне-Салтовский-III, кат.19; 13 – Верхне-Салтовский-I, кат.54; 14 – Старо-Салтовский, кат.18.

Fig. 4. Objects of the chronological horizon of "Stolbishche-Starokorsunskaiia" from the findings of catacomb burial grounds of the Upper Severskii Donets reaches: 1, 2 – Verkhni Saltov-III, catacomb 13; 3-6 – Staryi Saltov, catacomb 15; 7-9 – Staryi Saltov, catacomb 21; 10, 11 – Staryi Saltov, catacomb 22; 12 – Verkhni Saltov-III, catacomb 19; 13 – Verkhni Saltov-I, catacomb 54; 14 – Staryi Saltov, catacomb 18

Одновременно с аланами в сер.VIII в. в бассейн Северского Донца попадает население, кремировавшее своих умерших. В целом ряде памятников: Тополи, Кицевка, Сухая Гомольша, Красная Горка были найдены элементы поясной гарнитуры, характерные для горизонта Столбище-Старокорсунская (рис.6, 5-15) (Белік О.О., 2002, рис.1; Кухаренко Ю.В., 1952, рис.31: 2, 3, 9; Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2006, с.130, рис.30: 40; Лаптев О.О., Аксёнов В.С., 2012, рис.8: 1, 4-7, 17; Колода В.В., 2012, илл.10: 3-6), а также такой хронологический репер раннесалтовских комплексов, как железные фибулы с завитком на конце (рис.6, 1-4) (Кухаренко Ю.В., 1951, рис.31: 1; Дегтярь А.К., 1984; рис.1: 16; Комар А.В., 2000, с.52, рис.4: 27). В двух погребениях Кицевского могильника были обнаружены кувшины-ойнохои крымского типа (Лаптев О.О., Аксёнов В.С., 2012, рис. 6: 1, 2). Носители кремационного обряда заняли пространство по северной границе степи от р.Оскол на востоке (Тополи) до Печенежско-Савинской дуги р.Северский Донец на западе (Сухая Гомольша), где река отклоняется на 48 км к западу от первоначального меридионального курса (Демченко М.А., 1971, с.52). Присутствие в кремационных комплексах региона большого числа предметов конского снаряжения свидетельствует о подвижном образе жизни носителей данного погребального обряда. Первоначально носители кремационного обряда, продвигаясь от Донецко-Оскольского водораздела, по-видимому, освоили земли по левому берегу Северского Донца и его левым притокам. Чуть позднее они перешли на правый берег и начали контролировать переправы и броды через Северский Донец. Так, “кремационный могильник Лысый Горб и биритуальный некрополь Красная Горка расположены рядом с хорошо известными и в более позднее время бродами через Северский Донец на границе степи и лесостепи. Некрополь Сухая Гомольша расположен также недалеко от брода через Северский Донец и рядом с местом впадения в Северский Донец речки Сухая Гомольша, исток которой находился в землях славян” (Бубенок О.Б., Аксёнов В.С., 2009, с.138). Для контроля переправ по правому берегу Северского Донца в границах юго-западного “экстерриториального” района возник целый ряд укрепленных поселков, расстояние

между которыми по долине реки зачастую составляло всего 5-7 км. В Поосколье к ареалу юго-западного района лесостепного локального варианта СМК на сегодняшний день могут быть отнесены 3 городища: Подлысенковское, Пристинское, Гороховатское (рис.3). Значительные расстояния между ними могут свидетельствовать о том, что Поосколье являлось не центром региона, а, скорее, его “внутренними” областями. Тем не менее, после проведения тотальных археологических разведок количество салтовских городищ и селищ здесь ещё может увеличиться. Необходимо отметить, что при “обретении родины” переселенцами охотно использовались древние городища. Абсолютно все фортифицированные памятники раннего железного века, располагавшиеся на берегу р.Северский Донец (Кочеток-2, Мохнач, Коробовы Хутора), были использованы в раннем средневековье, хотя в двух последних случаях они были перестроены согласно требованиям своего времени. В дальнейшем хозяйственное освоение региона и демографический рост привели к заселению бассейнов малых рек – притоков рр.Северского Донца и Оскола. Носители кремационного обряда проникали по р.Удам (до с.Терновая), по р.Мже (до г.Мерефы), в верхнее течение р.Береки – до слияния с р.Кисели (рис.2; 3). Можно предположить, что при этом расселении осваивались как “ничейные” земли к западу от основного ареала СМК, так и степные районы. Именно этот процесс может объяснить расположение Гороховатского городища далеко на юг от лесостепной зоны; в регионе, где до этого находилось праболгарское население.

Можно предположить, что на начальном этапе заселения лесостепи переселенцы столкнулись с некоторыми трудностями. Именно поэтому для более полного освоения региона (хозяйственного или военного; не исключено, что подобное решение было вызвано желанием усилить контроль над наиболее удаленным от столицы государства регионом) центральная власть Хазарского каганата навязала аланам и носителям кремационного погребального обряда иноэтничных союзников из сопредельных территорий. Таким союзником стали племена, практиковавшие ингумационный погребальный обряд с восточной ориентировкой умерших (Нетайловский грунтовой могильник

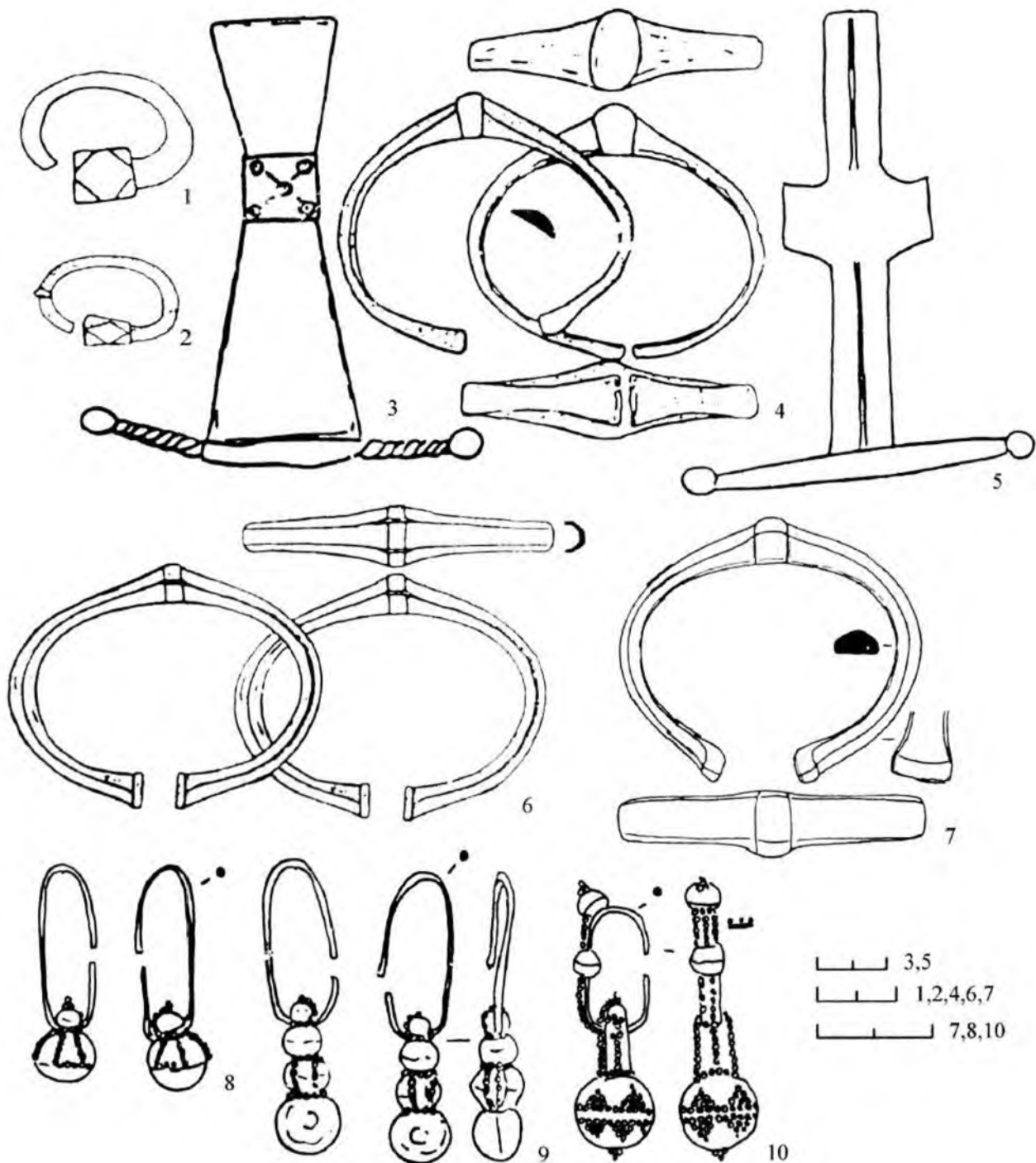

Рис. 5. Элементы женского набора украшений из раннесалтовских погребений могильников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: 1-6 – Нетайловский (1, 3, 6 – погр.340, 2, 4 – погр.398, 5 – погр.164“Б”); 7 – Верхне-Салтовский-IV, кат.33; 8 – Рубежанский, кат.16; 9 – Рубежанский, кат.4; 10 – Сухогомольшанский (погр.30, 58, 85, 89, 93, 99, 132, 136, 142, 158, 200, 211, 274, 290), Красногорский (погр.129, 154), Кицевский (погр.2).

Fig. 5. Female adornments from the early Saltov burials of burial grounds of the forest-steppe variant of the Saltov-Maiaki culture: 1-6 – *Netailovka* (1, 3, 6 – burial 340, 5 – burial 164“B”, 2, 4 – burial 398); 7 – *Verkhniĭ Saltov-IV*, catacomb 33; 8 – *Rubezhnoie*, catacomb 16; 9 – *Rubezhnoie*, catacomb 4; 10 – *Sukhaia Gomolsha* (burials 30, 58, 85, 89, 93, 99, 132, 136, 142, 158, 200, 211, 274, 290), *Krasnaia Gorka* (burials 129, 154), near *Kitsevka* village (burial 2)

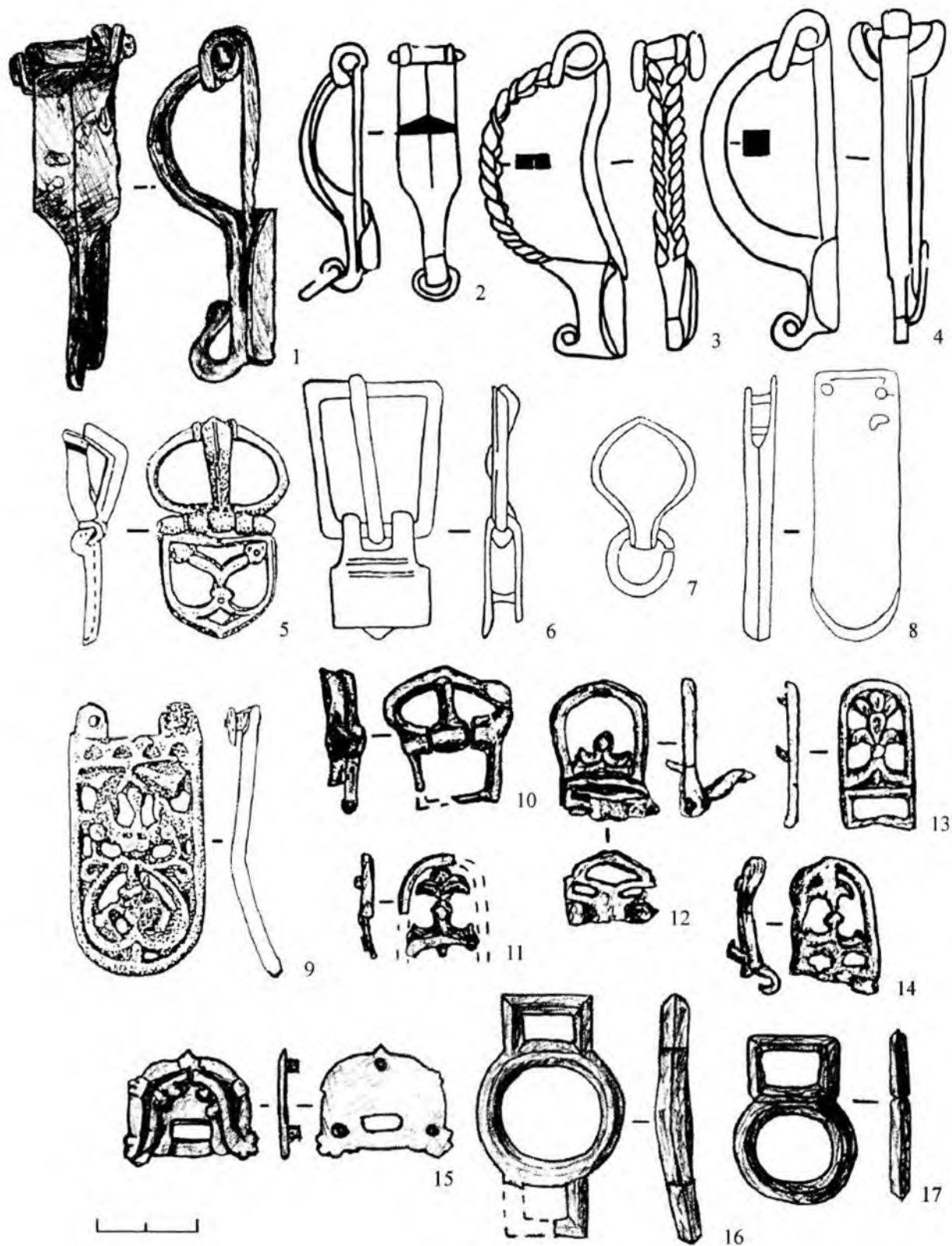

Рис. 6. Маркеры раннесалтовского времени из кремационных могильников Подонцовья: 1, 10-17 – могильник у с. Китцевка; 2-8 – Сухогомольшанский могильник (2 – погр.252, 3 – погр.217; 4 – погр.122; 5 – погр.135; 6-8 – погр.233); 9 – могильник Красная Горка, погр.167.

Fig. 6. Markers of the Saltov-Maiaki time from cremation burial grounds of the Severskii Donets reaches: 1, 10-17 – near Kitsevka village; 2-8 – Sukhaia Gomolsha (2 – burial 252, 3 – burial 217; 4 – burial 122; 5 – burial 135; 6-8 – burial 233); 9 – Krasnaia Gorka (burial 167)

(Комар А.В., 2005, с.213) и “Сердюково-2”). Это подтверждается археологическими материалами. Так, материалы раскопок показывают, что комплексы раннесалтовского горизонта Столбище-Старокорсунская (рис.7) в наибольшем количестве представлены в нетайловских погребениях с восточной ориентировкой умерших. Элементы поясной гарнитуры, характерные для этого времени, обнаружены в погр.132, 134, 164 “Б”, 215, 250, 267, 380, 413, 491, 498 (Белік О.О., 2002, рис.1; Комар А.В., 1999, табл.3: 125, 126, 141; Аксенов В.С., 2010б, рис.2: 11-14; 3: 14). Аналогичные найденным в погребениях Нетайловского могильника элементы поясной гарнитуры в основном происходят из так называемых “подкурганых захоронений с ровиками” VII – I-й пол. VIII в. (Иванов А.А., 2001, с.118-131), отождествляемых с собственно хазарами (Плетнева С.А., 1990, с.82). Из захоронений этого же могильника (погр.164 “Б”, погр.249) происходят два византийских солида Константина V (751-757 гг) (рис.8. 1, 3) (Белік О.О., 2002, с.16; Аксёнов В.С., 2011, с.95). Учитывая незначительный период запаздывания подобных монет (Семенов А.И., 1993, с.94-95), данные солиды можно рассматривать как свидетельство интенсивных контактов хазар с Византией. Эти контакты прекратились в 759/760 гг в результате политического разрыва между каганатом и Византией, обусловленного заключением брака между арабским наместником Восточного Закавказья Йазидом ас-Сулами и дочерью хазарского кагана Хатун. (Комар А.В., 2001, с.112). Отсутствие поступления солидов при сохранявшейся потребности в них приводило к изготовлению подражаний. Такое подражание – солиду Льва III и Константина V – было найдено в погр.472 (рис.8. 5) вместе с поясным набором, украшенным лотосовидным орнаментом, характерным для начального периода его освоения салтовскими мастерами (Аксёнов В.С., 2011, рис.2; Фоякова Н.А., 2011, рис.32: 1, 31, 32). Поясная гарнитура указанного погребения соответствует переходному горизонту I/II (780-790-е гг) (Комар А.В., 1999, табл.4). Первоначальный район проживания, откуда пришло население, оставившее наиболее ранние погребения Нетайловского могильника, можно определить благодаря металлическим украшениям: фибулам, височным

подвескам с 14-гранником на конце (рис.5. 1, 2), массивным браслетам с расширяющимися концами и утолщением в средней части (рис.5. 4). Судя по данным украшениям, родиной этого населения были степные районы современной Чечни, Ингушетии и Дагестана (Аксёнов В.С., 2012б, с.183, рис.4), т.е. районы первоначального центра Хазарского каганата.

Вероятно, центральная власть поставила переселенцам задачу развивать земледелие и скотоводство на новых территориях. На момент переселения местное население бассейна р.Северский Донец (поздние пеньковцы) было чрезвычайно малочисленным. Как свидетельствуют археологические материалы, на территории лесостепного варианта СМК на сегодняшний момент известно около 80 памятников пеньковской культуры (Любичев М.В., 1994, с.149-153), в то время как с салтовским населением связано более 270 (Афанасьев Г.Е., 1987б, с.168-184). Более высокий уровень сельского хозяйства салтовского населения лесостепи (Колода В.В., Горбаненко С.А., 2010, с.139-153) по сравнению с пеньковским (Любичев М.В., 1994, с.84-95; Горбаненко С.А., 2004, с.301-314) позволил со временем справиться с задачей обеспечения центральной власти каганата продуктами сельского хозяйства. Получив позитивный опыт освоения лесостепи, для удовлетворения своих возрастающих потребностей центральная власть переселила в этот регион аланское население с территорий, более удаленных от домена кагана (например, из Кисловодской котловины). Это предположение подтверждается наличием в катакомбной погребальной обрядности аланского населения Подонья-Подонцовья трех традиций: Верхне-Салтовско-Ютановской, Дмитриевско-Нижнелубянской и Маяцкой (Афанасьев Г.Е., 1993, с.91-92), указывающих на существование нескольких племенных групп, изначально проживавших в разных регионах Северного Кавказа.

Для усиления же полукочевого населения в кон.VIII – нач.IX в. хазарское правительство переселило в регион носителей ямного погребального обряда с западной ориентировкой умерших. На погребальных памятниках, оставленных этим населением, предметы горизонта Столбище-Старокорсунская уже не встречаются, отсутствуют золотые византийские солиды и их имитации, зато появляются

Рис. 7. Маркеры горизонта "Столбише-Старокорсунская" из погребений Нетайловского могильника: 1 – погр.139; 2 – погр.134; 3, 5, 6 – погр.164"Б"; 4 – погр.250; 7 – погр.132; 8, 11, 12 – погр.215; 9, 10 – погр.267; 13 – погр.380; 14-16 – погр.413; 17-20 – погр.491; 21 – погр.498.

Fig. 7. Markers of the horizon of Stolbishihe-Starokorsunskaja from burials of the Netailovka burial ground: 1 – burial 139; 2 – burial 134; 3, 5, 6 – burial 164"Б"; 4 – burial 250; 7 – burial 132; 8, 11, 12 – burial 215; 9, 10 – burial 267; 13 – burial 380; 14-16 – burial 413; 17-20 – burial 491; 21 – burial 498

Рис. 8. Монетные находки из погребений могильников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: 1-5 – *Нетайловский* (1 – погр.164“Б”; 2 – погр.227; 3 – погр.249; 4 – погр.348; 5 – погр.472); 6 – *Ржевский* (погр.2).

Fig. 8. Findings of coins from burials of the burial grounds of the forest-steppe variant of the Saltov-Maiaki culture: 1-5 – *Netailovka* (1 – burial 164“B”; 2 – burial 227; 3 – burial 249; 4 – burial 348; 5 – burial 472); 6 – *Rzhev* (burial 2)

серебряные арабские дирхемы (рис.8, 2, 4, 6). При этом часть новых “подселенных” племен (Ржевский, Волоконовский, Красногорский некрополи) была достаточно хорошо вооружена; в погребениях указанных могильников нередко оружие, предметы импорта, монеты; сами могильники располагаются вблизи городищ. Появляются представители этого нового населения и в нетайловской общине, т.е. среди первых переселенцев, свидетельством чему является несколько погребений с западной ориентировкой, содержавших конское снаряжение (погр.499, 505, 506, 508) (Аксенов В.С., 2011, рис.2: 6, 7; 5: 7-13). О времени заселения

данным населением северного региона лесостепного варианта говорят монетные находки, происходящие из погребений. Появление арабских монет в салтовских погребениях типа Соколовской балки указывает на политические изменения в Хазарском каганате, наступившие после разрыва с Византией в 60 гг VIII в. (Круглов Е.В., 2002, с.87-91). В ингумационных ямных погребениях кон. VIII – нач. IX в. (Ржевский, Волоконовский, Нетайловский, Красногорский некрополи) элементы поясной гарнитуры свидетельствуют уже о формировании собственно салтовского стиля в орнаментации (Комар А.В., 1999, табл.4; Аксенов В.С., Михе-

ев В.К., 2003, рис.4: 19-23; 5: 41, 43-45; Сарапулкин В.А., 2006, рис.5: 1-17; Аксёнов В.С., 2012а, рис.13; 14: 8-11). В погребениях этого населения присутствуют и кувшины-ойнохои (Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2003, рис.1: 2, 15, 18; 3: 3, 13; 4: 3, 27; 5: 2, 26; Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976, рис.6: 5), являющиеся характерными для относительно ранних комплексов: 2-й пол.VIII – нач.IX в. (Аксёнов В.С., Михеев В.К., 1998, с.350, 353). Вторая волна переселения алан и носителей ингумационного обряда с западной ориентировкой представляла собой третий этап освоения лесостепи представителями Хазарского каганата.

Таким образом, Северо-Западная Хазария в кон.VIII – нач.IX в. состояла из двух экстерриториальных районов со своим специфическим населением. Так, юго-западный регион, представлявший собой широтно вытянутое пространство размерами 120x70 км (т.е. около 7000 км²), оказался занятым носителями только кремационного обряда. В лесостепи же, заселенной аланами, – северном экстерриториальном районе, который представлял собой сильно растянутый в широтном направлении “язык” размерами 200x60-80 км – жили одновременно и аланы, и разноэтничные носители ямного погребального обряда. При расселении народов на новых землях центральная власть, несомненно, принимала во внимание специфику хозяйственной деятельности и военных традиций переселяемых этнических групп. В обоих вариантах существовало население, практикующее полукочевое хозяйство, т.к. территория Донецко-Оскольского междуречья способствовала успешному ведению полукочевого хозяйства в условиях аридизации степных районов (Комар А.В., 2005, с.212). Переселение носителей ямного обряда в Верхнее Подонцовье, очевидно, преследовало цель усилить военную и хозяйственную мощь “северного региона” лесостепного локального варианта салтовской

культуры. При этом сложился достаточно эффективный симбиоз представителей разных военных традиций. Присутствие в некоторых ямных захоронениях и кремациях предметов вооружения (сабель, наконечников стрел и копий, обушков кистеней, кинжалов) и конского снаряжения (Крыганов А.В., 1989, с.98-114; Аксёнов В.С. и др., 1996, рис.4, с.127-128; Сарапулкин В.А., 2006, рис.4; Аксёнов В.С., Михеев В.К., 2009, с.387-406; Аксёнов В.С., Крыганов А.В., 2009, с.23-37) указывает на то, что они принадлежали легковооруженным конным воинам, составлявшим подвижные отряды легкой кавалерии. Аланское же население, судя по предметам вооружения, присутствующим в катакомбных захоронениях (Крыганов А.В., 1993, с.52-62), являлось пешим войском (Крыганов А.В., 1993, с.59-60), задачей которого было поддерживать своих союзников в боевых операциях. На аланское пешее ополчение, очевидно, также возлагалась обязанность и по обеспечению обороноспособности салтовских крепостей региона. При этом воинская верхушка аланского общества предпочитала сражаться на украшенных начальниками конях (Аксёнов В.С., 2005а, с.245-260), используя сабли и лук со стрелами (Афанасьев Г.Е., 1993, с.140). Мирное сосуществование разных по происхождению, языку, хозяйственным и военным традициям народов в лесостепи свидетельствует о тщательно продуманной концепции переселения. На всех этапах истории центральное правительство каганата вмешивалось в дела переселенных народов, определяя границы их расселения и навязывая (по каким-то своим соображениям) иноэтничных союзников. Тем не менее, практика вмешательства в условиях Верхнего Подонцовья оказалась успешной: освоение территорий происходило быстро, а отсутствие следов погромов на городищах и поселениях свидетельствует об отсутствии столкновений между салтовским населением региона.

Литература и архивные материалы

Аксёнов В.С., 1999. Старосалтовский катакомбный могильник// *Vita antiqua*. № 2. К.: Есе.

Аксёнов В.С., 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце// *Донская археология*. № 1-2. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.

Аксёнов В.С., 2002. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка// *Хазарский альманах*. Т.1. Киев; Харьков: Каравелла.

- Аксенов В.С.**, 2005а. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Аксенов В.С.**, 2005б. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Аксёнов В.С.**, 2009. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Аксёнов В.С.**, 2010а. Исследования Нетайловского могильника салтовской культуры// Археологічні дослідження в Україні. Київ; Полтава: Інститут археології НАН України.
- Аксенов В.С.**, 2010б. Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии// Древности 2010. Харьков: ООО "НТМТ".
- Аксенов В.С.**, 2011. Погребения с западной ориентировкой Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры (по материалам 2010 г.)// Древности 2011. Харьков: ООО "НТМТ".
- Аксёнов В.С.**, 2012а. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003-2010 годов)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.9. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Аксенов В.С.**, 2012б. Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника)// Древности 2012. Харьков: ООО "НТМТ".
- Аксенов В.С.**, 2012в. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья// Хазарский альманах. Т.10. Киев; Харьков: ООО "Сучасний Друк".
- Аксенов В.С., Воловик С.И.**, 1999. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье// Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В.**, 2009. Захоронение на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах// Дивногорский сборник. Вып. 1. Археология. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К.**, 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника)// Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К: Наукова думка.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.**, 1998. Крымский импорт и хронология некоторых памятников верховий Северского Донца// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара: ОАО ПО "СамВен".
- Аксенов В.С., Михеев В.К.**, 2003. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка// Vita antiqua. № 5-6. К.: ВПЦ "Київський університет".
- Аксёнов В.С., Михеев В.К.**, 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.// Хазарский альманах. Т.5. Киев; Харьков: Каравелла.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.**, 2009. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Аксенов В.С., Тортика А.А.**, 2001. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII-X вв.: проблема этноисторической интерпретации и поливариантности обряда// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Аксенов В.С., Хоружая М.В.**, 2005. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002-2004 гг.)// Хазарский альманах. Т.4. Киев; Харьков: Каравелла.
- Аксёнов В.С.**, 2011. Похоронения 472 Нетайлівський могильника салтівської культури// Археологія. № 1. К.
- Амброз А.К.**, 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА. № 3. Археологические работы музеев в СССР за 1955-1956 гг. (Заметки с мест), 1957// СА. № 4.

- Афанасьев Г.Е.**, 1987а. Муравьевский клад (к проблеме оногуро-булгаро-хазарских миграций в лесостепь)// СА. № 1.
- Афанасьев Г.Е.**, 1987б. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// АОН. Вып.2. М.: Наука.
- Афанасьев Г.Е.**, 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртаского населения Среднего Дона. М.: Наука.
- Афанасьев Г.Е.**, 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства// РА. № 2.
- Афанасьев Г.Е.**, 2012. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры// РА. № 2.
- Бабенко В.А.**, 1905а. Древние Салтовские придонские окраины южной России// Труды XII АС. Т.1. М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова.
- Бабенко В.А.**, 1905б. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ.// Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г.Екатеринославле. Харьков.
- Багаев М.Х.**, 2004. Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан)// РА. № 2.
- Багаев М.Х., Мамаев Х.М.**, 2009. Сельментаузенский раннесредневековый могильник в Чечне// РА. № 1.
- Бєлік О.О.**, 2002. Поясні набори горизонту Столбіще-Старокорсунська з поховань лісостепоного донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології)// Історія науки: проблеми розвитку. Матеріали Міжнародної наукової конференції 17-18 травня 2002 р. Луганськ.
- Березовец Д.Т.**, 1956. Отчет о раскопках салтовского поселения на р.Оскол// Архив ИА НАНУ. № 1956/46.
- Березовец Д.Т.**, 1957. Отчет средневекового отряда Северо-Донецкой экспедиции за 1957 год// Архив ИА НАНУ. № 1957/46.
- Березовец Д.Т.**, 1961. Отчет о раскопках грунтового могильника в с.Нетайловка// Архив ИА НАНУ. № 1959-61/6а.
- Березовец Д.Т.**, 1962. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959-1960 гг.// КСИАУ. Вып.12.
- Богуславский Г.С.**, 2001. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації салтово-маяцької культури// Археологія. № 2. К.
- Бубенок О.Б.**, 1993. Етнічна приналежність ямних поховань Верхньосалтівського могильника// Археологія. № 4. К.
- Бубенок О.Б., Аксёнов В.С.**, 2009. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время// Хазарский альманах. Т.8. Киев; Харьков: Каравелла.
- Винников А.З., Сарапулкин В.А.**, 2008. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж: Воронежский гос. пед. университет.
- Вихрова Т.В.**, 2012. Взаимоотношения казаков в Среднем Подонцовье в конце XVII – начале XVIII ст.// Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н.Братченка. Луганськ: ТОВ "Елтон-2".
- Гавритухин И.О.**, 2010. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок// Албегова З.Х., Вершинский-Байбалов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС/ Материалы охранных археологических исследований. М.: Институт археологии РАН: ТАУС.
- Гавритухин И.О., Пьянков О.В.**, 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV-IX вв.)// Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. М.: Наука.
- Гадло А.В.**, 1994. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета.

- Горбаненко С.А.**, 2004. Сільське господарство слов'ян другої половини I тис. н.е. (за матеріалами Лівобережжя Дніпра)// Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. К.: Наукова думка.
- Готье Ю.В.**, 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Изд-во Гос.Эрмитажа.
- Дегтярь А.К.**, 1981. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье// Вестник ХГУ. № 214. Харьков: Основа.
- Дегтярь А.К.**, 1984. Комплекс из погребения воина у с.Кочеток на Северском Донце// СА. № 2.
- Демченко М.А.**, 1971. Гидрология Харьковской области// Материалы Харьковского отдела Географического общества Украины. Вып. VIII. Харьковская область. Природа и хозяйства. Харьков: Изд-во ХГУ.
- Дмитриев А.В.**, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков// Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. М.: Наука.
- Иванов А.А.**, 2001. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара: ОАО ПО “СамВен”.
- Кадєєва Е.М., Михєєв В.К.**, 1972. Роботи на Балаклійському могильнику// Археологічні дослідження на Україні 1969 року. Вип.4. К.: Наукова думка.
- Каминский В.Н.**, 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани// СА. № 4.
- Квитковский В.И.**, 2012. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I// СМАК. Вип.2. Харків.
- Колода В.В.**, 2006. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г// Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. Київ; Запоріжжя: Дике поле.
- Колода В.В.**, 2011. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач)// Древности 2011. Харьков: ООО “НТМТ”.
- Колода В.В.**, 2012. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши// СМАК. Вип.2. Харків.
- Колода В.В.**, 2013. Два салтовских комплекса из Государева Яра// СМАК. Вип.3. Харків.
- Колода В.В., Горбаненко С.А.**, 2010. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. К.: Институт археологии НАН Украины.
- Комар А.В.**, 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии)// Vita antiqua. № 2. К.: Есе.
- Комар А.В.**, 2000. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры// Finno-Ugrica. № 1. Казань: Институт истории АНТ.
- Комар А.В.**, 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара: ОАО ПО “СамВен”.
- Комар А.В.**, 2005. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным// Хазары/ Евреи и славяне. Т.16. Иерусалим; Москва: Гешарим – Мосты культуры.
- Красильников К.И.**, 2009. Население степного Подонцовья в хазарское время// Дивногорский сборник. Вып.1. Археология. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета.
- Круглов Е.В.**, 2002. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI-VIII вв. в восточноевропейских степях// Хазарский альманах. Т.1. Харьков: Каравелла.
- Криганов А.В.**, 1993. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння// Археологія. № 2. К.
- Крыганов А.В.**, 1989. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ.
- Крыганов А.В.**, 1991. Отчет об археологических разведках и раскопках Пескорядьковского и Нетайловского могильника на территории Харьковской области в 1991 г// Архив ИА НАНУ. № 1991/99.

- Крыганов А.В.**, 2001. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры – остатки древнего хазарского города// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время. Донецк: ДонНУ.
- Кухаренко Ю.В.**, 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине// КСИИМК. Т.XLI.
- Кухаренко Ю.В.**, 1952.Новопокровський могильник і поселення// Археологія. Т.6. К.
- Лаптев А.А.**, 2010. Археологические работы 2008-2009 гг. у с.Кунье Изюмского р-на Харьковской обл.// Пам'ятокознавчі погляди молодих вчених ХХІ ст.: збірка наукових статей з пам'яткоохоронної роботи. Вип.1. Харків.
- Лаптев О.О., Аксьонов В.С.**, 2012. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с.Кицівка на Харківщині// Археологія. № 4. К.
- Либеров П.Д.**, 1961. Разведки в пойме р.Оскол// КСИА. Вып.83.
- Любичев М.В.**, 1994. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя. Дис. ... канд. іст. наук. Рукопис. Харків.
- Ляпушкин И.И.**, 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р.Дон// МИА. № 62.
- Магомедов А.Х.**, 1962. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе: Ир.
- Макаревич М.Л.**, 1957. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці// Археологія. Т.10. К.
- Михеев В.К.**, 1990. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КНЦ АН СССР.
- Михеев В.К.**, 1991. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII-X вв. (Часть I)// Археология славянского юго-востока. Воронеж: Воронежский пединститут.
- Михеев В.К.**, 1995. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с.Червоная Гусаровка// Древности 1994. Харьков: ООО "НТМТ".
- Михеев В.К.**, 2004. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий// Хазарский альманах. Т.3. Киев; Харьков: Каравелла.
- Михеев В.К.**, 1974. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця// Вестник ХГУ. № 104. История. Вып.8. Харьков: Изд-во ХГУ.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура// МИА. № 146.
- Плетнева С.А.**, 1976. Хазары. М.: Наука.
- Плетнева С.А.**, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука.
- Плетнева С.А.**, 1990. Хазарские проблемы в археологии// СА. № 2.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г.** 1976. Волоконовский древнеболгарский могильник// СА. № 3.
- Покровский А.М.**, 1905. Верхне-Салтовский могильник// Труды XII АС. Т.1. М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова.
- Пьянков А.В.**, 2001. Касоги – касахи – кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.1. Краснодар.
- Сарапулкин В.А.**, 2006. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение)// Археологические памятники Восточной Европы. Вып.12. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Сарапулкин В.А.**, 2009. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области// Археологические памятники Восточной Европы. Вып.13. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Семенов А.И.**, 1993. О датирующих способностях византийских солидов VII-VIII вв.// II-я Кубанская археологическая конференция. Тезисы. Краснодар.
- Свистун Г.Е.**, 2012. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация)// СМАК. Вип.2. Харків.

- Свистун Г.Е., Квитковский В.И.**, 2013. Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике// СМАК. Вип.3. Харків.
- Сібільов М.В.**, 1952. Стародавня посудина з “письменами”// Археологія. Т.VI. К.
- Спицын А.А.**, 1909. Историко-археологические разыскания. I-III// ЖМНП. Новая серия. Ч.19. Январь.
- Телегин Д.Я.**, 1955. Отчет о разведках и раскопках в долине р.р.Оскол и С.Донца в 1955 г.// Архив ИА НАНУ. № 1955/3.
- Телегин Д.Я.**, 1956. Исследования поселения и могильника позднейшего палеолита – начала эпохи металла около с.Александрии на р.Оскол (Отчет о работе неолитического отряда Оскольской экспедиции 1956 года)// Архив ИА НАНУ. № 1956/4.
- Телегин Д.Я.**, 1959. Оскольская экспедиция 1955-1956 годов// КСИАНУ. Вып.8.
- Тортика А.А.**, 2006. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков: ХГАК.
- Фонякова Н.А.**, 2011. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII-X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан.
- Флёров В.С.**, 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград: Перемена.
- Хоружая М.В.**, 2012. Ямные захоронения Верхне-Салтовского катакомбного могильника// Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н.Братченка. Луганськ: ТОВ “Елтон-2”.
- Шрамко Б.А.**, 1956. Отчет о раскопках в с.Пески Радьковские Боровского р-на/ Отчет Северо-Донецкой экспедиции 1956 г.// Архив ИА НАНУ. № 1956/4е.
- Шрамко Б.А.**, 1983. Погребения VIII-X вв. у с.Пятницкое в Харьковской области// Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника.

Summary

V.S.Aksyonov, A.A.Laptev (Kharkov, Ukraine)

DEVELOPMENT OF FOREST-STEPPE SEVERSKII DONETS REACHES DURING KHAZARIAN TIME: VIEW OF PROBLEM

At the first stage (in the 740s), the Khazars undertook reconnoitering expeditions deep into the forest-steppe to find out if the region could be useful for the Qağanate needs. Archaeological monuments of that time are presented by single burials. The grave goods in them were the artifacts of the Early Saltov “Stolbishche-Starokorsunskaiia” horizon. At the second stage (the 750-80s), the Khazarian authorities resettle large groups of population from the Northeast Caucasus into the Forest-Steppe Severskii Donets reaches. The northern area is settled by the Alans, who used to live near to the initial centre of the Qağanate (the Chechen Republic, Dagestan), and by some Turkuts. At this stage the artifacts of the “Stolbishche-Starokorsunskaiia” horizon and Byzantine solids are often found in the burials. At the third stage (the late 8th – early 9th century), the central government of the Qağanate resettles new groups of the Alans and Proto-Bulgarians in the northern area. At this stage, the artifacts of the “Stolbishche-Starokorsunskaiia” horizon do not occur; Byzantine solids in the burials are replaced with the Arabian dirkhems.

Статья поступила в редакцию в мае 2013 г